

Сельские эскулапы

Земская больница. Утро.

За отсутствием доктора, уехавшего с станковым на охоту, больных принимают фельдшера: Кузьма Егоров и Глеб Глебыч. Больных человек тридцать. Кузьма Егоров, в ожидании, пока запишутся больные, сидит в приемной и пьет цикорийный кофе. Глеб Глебыч, не умывавшийся и не чесавшийся со дня своего рождения, лежит грудью и животом на столе, сердится и записывает больных. Записывание ведется ради статистики. Записывают имя, отчество, фамилию, звание, место жительства, грамотен ли, лета и потом, после приемки, род болезни и выданное лекарство.

Чёрт знает что за перья! сердится Глеб Глебыч, выводя в большой книге и на маленьких листочках чудовищные мыслете и азы. Что это за чернила? Это деготь, а не чернила! Удивляюсь я этому земству! Велит больных записывать, а денег на чернила две копейки в год дает! Подходи! кричит он.

Подходят мужик с закутанным лицом и бас Ми-хайло.

Кто таков?

Иван Микулов.

А? Как? Говори по-русски!

Иван Микулов.

Иван Микулов! Не тебя спрашиваю! Отойди! Ты! Звать как?

Михайло улыбается.

Нешто не знаешь? спрашивает он.

Чего же смеешься? Чёрт их знает! Тут некогда, время дорого, а они с шутками! Звать как?

Нешто не знаешь? Угорел?

Знаю, но должен спросить, потому что форма такая... А угореть неотчего... Не такой пьяница, как ваша милость. Не запоем пьем... Имя и фамилия?

Зачем же я стану тебе говорить, ежели ты сам знаешь? Пять лет знаешь... Аль забыл на шестой?

Не забыл, но форма! Понимаешь? Или ты не понимаешь русского языка? Форма!

Ну, коли форма, так чёрт с тобой! Пиши! Михайло Федотыч Измученко...

Не Измученко, а Измученков.

Пуцай будет Измученков... Как хочешь, лишь бы вылечил... Хоть Шут

Иваныч... Всё одно...

Сословия какого?

Бас.

Лет сколько?

А кто ж его знает! На крестинах не был, не знаю.

Сорок будет?

Может, и будет, а может, и не будет. Пиши как знаешь.

Глеб Глебыч смотрит некоторое время на Михаилу, думает и пишет 37. Потом, подумав, зачеркивает 37 и пишет 41.

Грамотен?

А нешто певчий может быть неграмотный? Голова!

При людях ты должен мне вы говорить, а не кричать так. Следующий! Кто таков? Как звать?

Микифор Пуголова, из Хапловой.

Хапловских не лечим! Следующий!

Сделайте такую божескую милость... Ваше высокоблагородие. Верстов двадцать пешком шел...

Хапловских не лечим! Следующий! Отойди! Не курить здесь!

Я не курю, Глеб Глебыч!

А что это у тебя в руке?

Это у меня палец завязан, Глеб Глебыч!

А не сигарка? Хапловских не лечим! Следующий!..

Глеб Глебыч оканчивает записывание. Кузьма Егоров напивается кофе, и начинается прием. Первый берет на себя фармацевтическую часть и идет в аптеку, второй терапевтическую и надевает клеенчатый фартук.

Марья Заплаксина! вызывает по книге Кузьма Егоров.

Здесь, батюшка!

В приемную входит маленькая, в три погибели сморщенная, как бы злым роком приплюснутая, старушонка. Она крестится и почтительно кланяется эскулапствующему.

Кгм... Затвори дверь!.. Что болит?

Голова, батюшка.

Так... Вся или только половина?

Вся, батюшка... как есть вся...

Головы так не кутай... Сними эту тряпку! Голова должна быть в холоде, ноги в тепле, корпус в посредственном климате... Животом страдаешь?

Страдаю, батюшка...

Так... А ну-ка потяни себя за нижнюю веку! Хорошо, довольно. У тебя малокровие... Я тебе капель дам... По десяти капель утром, в обед и вечером.

Кузьма Егоров садится и пишет рецепт:

Rp. Liquor ferri 1 3 гр. того, что на окне стоит, а то, что на полке Иван Яковлич не велели без него распечатывать по десяти капель три раза в день Марьи

Заплаксиной.

Старуха спрашивает, на чем принимать капли, кланяется и уходит. Кузьма Егоров бросает рецепт в аптеку через окошечко, сделанное в стене, и вызывает следующего больного.

Тимофей Стукотей!

Здесь!

В приемную входит Стукотей, тонкий и высокий, с большой головой, очень похожий издалика на палку с набалдашником.

Что болит?

Сердце, Кузьма Егорыч.

В каком месте?

Стукотей показывает под ложечку.

Так... Давно?

С самой Святой... Давеча пешком шел, так разов десять садился... Знобит, Кузьма Егорыч... В жар бросает, Кузьма Егорыч.

Гм... Еще что болит?

Признаться сказать, Кузьма Егорыч, всё болит, ну, а уж вы лечите одно сердце, а насчет другого прочего не беспокойтесь... Другое пусть бабы лечат... Вы мне спиртику какого-нибудь дайте, чтоб к сердцу не подкатывало. К сердцу всё это так подкатывает, подкатывает, а потом как подхватит, значит, вот в это самое место, как подхватит, так и... того... Спинищу дерет... В голове точно камень... И кашель тоже.

Аппетит есть?

Ни боже мой...

Кузьма Егоров подходит к Стукотею, нагиная его и давит ему кулаком под ложечку.

Этак больно?

Ой... ой... ввв... Больно!

А этак больно?

Ввв... Смерть!!

Кузьма Егоров задает ему несколько вопросов, думает и зовет на помощь Глеба Глебыча. Начинается консилиум.

Покажи язык! обращается Глеб Глебыч к больному.

Больной широко раскрывает рот и вываливает язык.

Высунь больше!

Больше невозможно, Глеб Глебыч.

На этом свете всё возможно.

Глеб Глебыч смотрит некоторое время на больного, о чем-то мучительно думает, пожимает плечами и молча выходит из приемной.

Должно быть, катар! кричит он из аптеки.

Дайте ему olei ricini² и ammonii caustici!³ кричит Кузьма Егоров. Растирать живот утром и вечером! Следующий!

Больной выходит из приемной и идет к окошечку, ведущему из коридора в аптеку. Глеб Глебыч наливает треть чайного стакана касторки и подает Стукотею. Стукотей медленно выпивает, облизывается, закрывает глаза и трет палец о палец, т.е. просит заесть чем-нибудь.

Это тебе спирт! кричит Глеб Глебыч, подавая ему склянку с нашатырным спиртом. Растирать живот суконной тряпкой утром и вечером... Посуду возвратить! Не облакачиваться! Отойди!

К окошечку, закрывая рот шалью и ухмыляясь, подходит кухарка отца Григория, Пелагея.

Что вам угодно-с? спрашивает ее Глеб Глебыч.

Кланялись вам, Глеб Глебыч, Лизавета Григорьевна и просили у вас мятных лепешек.

С удовольствием-sss... Для прекрасных особ женского пола на всё готов-с! Глеб Глебыч достает с полки банку с мятными лепешками и полбанки высыпает в платок Пелагее.

Скажите им, говорит он, что Глеб Глебыч улыбался от чувств, когда лепешки давал. Письмо мое получили?

Получили и порвали. Лизавета Григорьевна любовью не занимается.

Какая же она гризетка! Скажите ей, что она гризетка!

Михайло Измученков! вызывает Кузьма Егоров.

В приемную входит бас Михайло.

Михаилу Федотычу! Наше глубочайшее! Что болит?

Горло, Кузьма Егорыч! Пришел к вам, собственно говоря, чтоб вы, с вашего позволения, относительно моего здоровья того... Не так больно, как убыточно... Через болезнь петь не могу, а регент за каждую обедню сорок копеек вычитает. За всенощную вчера четвертак вычел. Нонче у господ панихида была, певчим дадено было три рубля, и на мою долю чрез болезнь ничего не досталось. И, с вашего позволения, относительно глотки могу вам предположить, что очень уж дерет и хрипит. Точно у тебя в горле какой-то кот сидит и лапами того... Кгм... Кгм...

От горячих напитков, стало быть?

Не могу сказать, отчего собственно болезнь моя произошла, но могу выразиться вам, что, с вашего позволения, горячие напитки на теноров действуют, а на басов несколько. Бас от напитков, Кузьма Егорыч, гуще делается и представительнее... На бас действует простуда больше.

Из окошечка высовывается голова Глеба Глебыча.

Чего старухе-то дать? спрашивает Глеб Глебыч. Железо, что на окне стояло,

вышло. Я распечатаю то, что на полке.

Нет, нет! Не приказывал Иван Яковлич! Сердиться будет.

Чего же ей дать?

Чего-нибудь!

Дать чего-нибудь на языке Глеба Глебыча значит: дать соды.

Горячих напитков употреблять не следует.

Я и так уже три дня не употребляю... У меня от простуды... Действительно, водка хрипоту придает басу, но от хрипоты октава, Кузьма Егорыч, как вам известно, лучше... Без водки нельзя нашему брату... Что за певчий, ежели он водки не употребляет? Не певчий, а одна только, с вашего позволения, ирония!.. Не будь у меня такой должности, я и в рот бы ее, проклятой, не взял. Водка есть кровь сатаны...

Вот что... Я дам вам порошок... Вы разведите его в бутылке и полощите себе горло утром и вечером.

Глотать можно?

Можно.

Очень хорошо... Досадно бывает, ежели глотать нельзя. Полощешь, полощешь, да и выплюнешь жалко! И вот о чем я хотел вас, собственно говоря, спросить... А к тому, как я животом слаб, и по этой самой причине, с вашего позволения, каждый месяц кровь себе пущаю и травку пью, то можно ли мне в законный брак вступить?

Кузьма Егоров некоторое время думает и говорит:

Нет, не советую!

Чувствительно вам благодарен... Славный вы у нас целитель, Кузьма Егорыч! Лучше докторов всяких! Ей-богу! Сколько душ за вас богу молится! И-и-и!.. Страасть!

Кузьма Егоров скромно опускает глазки и храбро прописывает *Natri bicarbonici*, т.е. соды.

Раствор железа (лат.).2касторового масла (лат.).Знашатырного спирта (лат.).